

ЗИНАИДА ФЕДОТОВНА СУББОТИНА

Родилась в 1941 г. в д. Чеченево Тарского района. Живёт в Таре. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

Публикуется впервые.

ВСЁ, ЧТО ВПИТАЛИ НАШИ ДУШИ

Вспоминая далекое детство, родную деревню свою Чеченево, я словно возвращаюсь в то время, наполненное чувством свободы, красотой природы, свежим опьяняющим воздухом, который мы вдыхали полной грудью.

Весной оживала не только природа, но и мы вновь чувствовали стремление к жизни, к новому, светлому. Радовались солнцу, теплу, первым проталинам. Двадцать второго марта, в день весеннего равноденствия и день памяти сорока Севастийских мучеников, пекли жаворонков, ждали прилета птиц. Позже ходили в лес за берёзовым соком – «березовкой», сочили мезгу со спиленных берез во время заготовки дров. Появлялись первые подснежники, медуницы. Жужжа, летали над цветами пчелы, собирая нектар; ветерок шелестел листвой; стучал по дереву дятел.

С юга прилетали птицы. Радовали разноголосым пением вернувшиеся скворцы, то мяукая, то лая, то свистя соловьём, будто в пути подслушали чужие голоса.

На болоте селились кулики. Они забавно бегали на своих длинных ногах, перелетали с кочки на кочку, ловили длинным клювом насекомых, громко кричали, почуяв опасность. На кочках проворные птицы делали гнезда, откладывали там яйца, выводили птенцов, ревностно их защищая.

Братья Валентин и Анатолий иногда брали яйца из их гнезд, зорили гнезда сорок и ворон; ловили слопцами тетеревов, зимой зайцев – петлями, осенью выкапывали из нор хомяков зерно, что они запасали на зиму, уничтожая посева. И это было хоро-

шим подспорьем для нашей большой семьи, помогало выжить в голодное время.

Летом за околицей, на поляне, расцветали кукушкины слезки. Поляна была усыпана ими. На тоненьких ножках качались оранжевые цветочки. Шел теплый дождь, и после дождя мы любили бегать босиком по лужицам на поляне, ведь земля была чистая. Рано утром за гречишным полем токовали тетерева, кружась, заманивали тетерок. Мы вставали засветло выполнять поручения мамы. А вечерами пела перепелка: «Спать пора – спать пора». Бекас издавал звуки, похожие на бляение барана. Так играл ветер между перьями хвоста. Будто тысячи музыкантов играли на скрипках – это стрекотали кузнечики. Лягушки квакали в застойной воде у гатника – у места, где был запружен небольшой ручей, протекавший по дну буерака из леса через дорогу на покос. Крякали утки на реке, раздавались крики совы и филина. Какие звуки можно было услышать! Заслушаешься, и спать не хотелось идти. А вечера такие теплые, тихие, воздух чистый, прозрачный, наполненный ароматом трав и цветов. Всё это впитывали наши души, как промокательная бумага.

Старший брат Василий приносил журавлят-подранков. Мы их выкармливали. Птицы быстро привыкали к нам, брали из рук еду. Один жил в палисаднике. Бывало, когда хотел есть, стучал по окну клювом. Осенью, поправившись, журавль улетел со стайей на юг. Воспитываясь в окружении удивительной природы, мы вырастали добрыми, трудолюбивыми.

За болотцем протекал широкий ручей, в котором мы купались. Он впадал в речку Ик. Мальчишки марлей ловили пескарей. Много рыбы водилось тогда в реке: караси, щуки, лини, окуни. Однажды мужчины ловили в заводи рыбу, и в оставшейся на берегу ряске я нашла линя. Какая была неописуемая радость!

На другом конце улицы Заречной, за деревней, вдоль берега речки Ик росла черемуховая аллея. Какая была благодать, когда она цвела! Запах черемухового цвета разно-

сился по всей деревне, а птицы, скрывшись в буйном цветении, распевали на разные голоса, сменяя одна другую. Никакая музыка не сравнится с музыкой природы. Она навеивает в душе покой и неясную тревогу, возвышенные чувства и чувство полета в неведомую даль, чувство любви ко всему живому, что есть на белом свете.

У берега реки стояли щуки. При дуновении ветра рябь расползлась по поверхности воды, раскачивая большие желтые кувшинки, которые мы любили вытаскивать из речки длинными прутьями и вплетать в венки. Их мы вновь пускали по воде, замороженные, забывшие все невзгоды и трудности, что легли на наши детские плечи в послевоенное время.

Нашей обязанностью было открывать и закрывать ворота. Провожали на пастбище и встречали табун скота. Рев стоял неимоверный. Женщины на подводах ехали на покос, пели и возвращались тоже с песнями. Народ был дружный, горе и радости были общими. Несмотря на непосильный труд, жизнь впроголодь – взаимопонимание, помощь в трудную минуту друг другу, пение помогали преодолеть все невзгоды, выстоять.

Осенью, когда листья деревьев окрашивались в разноцветье, мы утепляли окна. Между рамами мама всегда клала мох, а на него – гроздь калины и веточки распушившейся вербы. Тревожно курлыча, будто прощаясь, журавли тянулись на юг, а мы смотрели им вслед и кричали: «Счастливого пути, весной возвращайтесь назад!» Протяжное курлыкание сменялось звуком молотилок, сеялок на току – начинался обмолот. Грохотал молот в кузнице. С наступлением зимы все умолкало, деревня у замерзшей реки погружалась в чуткий сон. Разве что лаяли собаки, почуяв приближающихся волков.

Мы, дети, катались на санках с берега реки до окоченения, ведь одежка на нас была худенькая. Потом, сидя в тепле, рассматривали морозные узоры на окнах и находили в них знакомые силуэты.

Морозным утром из-за горизонта над верхушками леса поднималось солнце. Вначале показывался его краешек, чем выше, тем больше. Выкатывался большой красный шар, поднимался выше, светлел, становился меньше. А вокруг него полыхало, играя красками, морозное марево.

По солнцу предсказывали погоду: если светило садится в тучу – день будет пасмурным, если за чистый горизонт – к хорошей погоде, а если при закате играет – то к морозу.

Как только начинался рассвет – слышался скрип полозьев. Это мужики и парни ехали на санях за сеном или дровами. Лошади бежали рысцой, разогреваясь бегом. На ездовых тулупы из овчины, теплые шапки-ушанки. Все в валенках, в стеганых штанах, овчинных рукавицах.

Вечером возвращались с нагруженными возами. Лошади брели заиндевевшие, мужики, тоже белые, шли за возами, подпрыгивая на ходу, хлопая рукавицами. Мороз стоял до того трескучий, что местами лопалась земля. Воробьи, съезжившись, прятались под крышами дворов, поветей, на овинах, где обрабатывался лен.

На замерзшей реке делали проруби, из которых брали воду, гоняли туда поить скотину, женщины полоскали белье. С наступлением зимы мужики выходили на охоту. Однажды брат Василий принес еще не вылинявшего горноста. Он жил у нас в окне между рамами, питался пойманными воробьями. Белой молнией зверёк метался за стеклом в полумраке, ловя птиц. Также жил колонок на цепочке под кроватью, кормили хлебом, мясом. Норой для них служили старые валенки. Туда же зверьки прятали пищу.

Зимними вечерами к нам на посиделки собиралась молодежь, ровесники старших сестер и брата. Горела керосиновая лампа. Брат играл на двухрядке, сестра Нина – на гитаре, девушки вязали, вышивали и пели. Мама ставила самовар и поила всех чаем. А на Новый год украшали избу лапками хвойных деревьев, которые брат привозил с ур-

мана. Хвойный запах долго стоял в комнате. В Рождество колядовали, как тогда говорили, «наряжались в чудушки», ходили по дворам, устраивали веселые сценки.

Через много лет я вернулась на малую родину, в деревню Чеченево. Пошла на то место, где мы провели свое детство. Речка обмелела, заросла кустарником, улица исчезла. Один домишко остался – старенький,

без окон без дверей, стоял он на пригорке – боль души моей. Не отыскать дорогу, что вела на покос, буерак с ручьем. Ничего не осталось от бывшего райского уголка, одно болото и только заброшенный старый соседский колодец да засохший тополь. На месте цветущей поляны – огород. Хозяева огорода спросили: «Что вы ищете?» Я ответила: «Свое детство».